

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 929+001(091)

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-3-136-165>

Вернадский и Рубакин: общность библиокультурных интересов и менталитета

Ю. Н. Столяров^{1, 2, 3}

¹Российская государственная библиотека, Москва, Российская Федерация

²Научный и издательский центр «Наука» РАН,
Москва, Российская Федерация

³ГПНТБ России, Москва, Российская Федерация
yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>

Аннотация. Показано, что великие русские учёные В. И. Вернадский (1863–1945), чьё 160-летие со дня рождения отмечается в 2023 г., и Н. А. Рубакин (1862–1946), 160-летний юбилей которого отмечался годом раньше, имели в своих взглядах на жизнь много общего, и, кроме того, оба были библиотечными деятелями и библиографами. Молодые люди одновременно поступили в Императорский Санкт-Петербургский университет, на естественное отделение физико-математического факультета, довольно тесно общались в студенческие годы, сохраняли дружеские и творческие контакты вплоть до 1936 г. Большое влияние на обоих оказали космологические и космографические идеи их общего учителя Дмитрия Ивановича Менделеева. Как и Н. А. Рубакин, высшей целью своего существования В. И. Вернадский считал бескорыстное служение человечеству. В процессе изучения психологии Н. А. Рубакин пришёл к выводу, что жизнь человека протекает на трёх уровнях: биологическом, социальном и космическом. В. И. Вернадский, в свою очередь, является одним из общепризнанных представителей русского космизма и основоположником учения о ноосфере. Гуманитарная тенденция в мировоззрении В. И. Вернадского проявилась так же рано, как и тенденция естественно-научная. Глубоко гуманистические социально-этические идеалы были выработаны им уже в ранние годы становления как учёного и мыслителя.

Объединяет этих деятелей и то, что оба занимались практической библиографической деятельностью, причём в какой-то период одновременно. В. И. Вернадский был одним из учредителей Московской Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе общества распространения технических знаний (1893). Н. А. Рубакин – одним из основателей Отдела для

содействия самообразованию при Петербургском педагогическом музее военно-учебных заведений (1894). В составлении списков основной и дополнительной литературы, имеющихся в программах этих институций, и тот и другой принимали самое деятельное участие. Как у Вернадского, так и у Рубакина выработалось собственное видение постановки библиотечного дела в стране. В. И. Вернадский стоял у истоков создания библиотеки Украинской академии наук (ныне это Национальная библиотека страны), которая носит его имя. Он регулярно посылал Н. А. Рубакину в Швейцарию научные труды и журналы. Николай Александрович установил контакт с сыном В. И. Вернадского Георгием, проживавшим в США.

Практически все научные и общественные заслуги В. И. Вернадского были официально признаны, тогда как у Н. А. Рубакина не было никаких титулов и званий. Тем не менее по значению для русской и мировой культуры их смело можно поставить на один уровень.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, Н. А. Рубакин, библиотечная деятельность, библиокультура, библиография, менталитет, ноосфера

Для цитирования: Столяров Ю. Н. Вернадский и Рубакин: общность библиокультурных интересов и менталитета // Научные и технические библиотеки. 2023. № 3. С. 136–165. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-3-136-165>

PERSONALIA

UDC 929+001(091)

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-3-136-165>

Vernadsky and Rubakin: Identity of bibliocultural interests and mentality

Yury N. Stolyarov^{1, 2, 3}

¹*Russian State Library, Moscow, Russian Federation*

²*Science and Publishing Center “Nauka” of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

³*Russian National Public Library for Science and Technology,
Moscow, Russian Federation*

yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>

Abstract. The prominent Russian scientists, Vladimir I. Vernadsky (1863–1945), whose 160-th anniversary we celebrate this year, and Nikolay A. (Nikolas) Rubakin (1862–1946), whose 160-th anniversary we celebrated last year, were both library workers and bibliographers. They both entered St. Petersburg Imperial University, the department for natural sciences of physics and mathematics faculty, communicated closely when students, and maintained friends and scientific ties up to 1936. The cosmological and cosmographic ideas of Dmitry I. Mendeleev, their teacher, influenced them both. Like N. Rubakin, V. I. Vernadsky saw selfless service to the humankind as his supreme goal. In his studies of psychology, Rubakin came to the conclusion that human life passes at three levels, namely biological, social, and cosmical level. In his turn, Vladimir Vernadsky is among acknowledged adept of Russian cosmism and father of the teaching of noosphere. The humanitarian trend in Vernadsky's world outlook manifested as early in his life as did his interest in the natural sciences. He developed his strong humanist, social ethical ideals in his early years as the scientist and thinker. These two persons were both engaged in bibliographic work, synchronically for some period. Vladimir Vernadsky was among the founders of Moscow Commission for Home Reading of the Educational Department of the Society to Promote Technical Knowledge (1893); Nikolas Rubakin was a founder of the Department to Support Self-education at Petersburg Pedagogical Museum of Military Educational Institutions (1894). They both took the most active part in writing bibliographies of general and supplementary literature within the curricula of the two institutions. Vernadsky and Rubakin had their original attitude towards library work in the country. V. Vernadsky sent regularly scientific books and journals to Rubakin in Switzerland. Rubakin came into contact with Georgy, V. Vernadsky's son, who was living in the U.S.

Almost Vernadsky's every scientific achievement and social merits were acknowledged officially, unlike N. Rubakin who had no academic honors at all. Nevertheless, their contribution to the Russian and world culture is of the same value.

Keywords: V. I. Vernadsky, N. A. Rubakin, library activity, biblioculture, bibliography, mentality, noosphere

Cite: Stolyarov Y. N. Vernadsky and Rubakin: Identity of bibliocultural interests and mentality // Scientific and technical libraries. 2023. No. 3. P. 136-165. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-3-136-165>

Общее в судьбах

Можно ли поставить в один ряд имена двух наших великих соотечественников – В. И. Вернадского, 160-летие со дня рождения которого отмечается в 2023 г., и Н. А. Рубакина, чьё 160-летие отмечалось в 2022 г.? Уж очень, казалось бы, разным был основной профиль их творческой деятельности. Рискну ответить на этот вопрос утвердительно: у этих выдающихся личностей есть общие и ментальные, и профессионально-общественные черты. Главное из того, что интересно деятелям книжно-библиотечно-библиографического профиля, относится к книжной культуре и, говоря шире, к пониманию тем и другим своего жизненного предназначения.

Сближают их и другие, чисто внешние моменты: они погодки (Рубакин на год старше), одновременно (в 1881 г.) поступили в Императорский Санкт-Петербургский университет, причём на одно и то же естественное отделение физико-математического факультета, тесно общались между собой в студенческие годы, сохраняли дружеские и творческие контакты вплоть до 1936 г. Да и из жизни ушли один вслед за другим (Вернадский умер в 1945-м, Рубакин – в 1946 г.). Был период, когда они одновременно занимались одним и тем же делом, только Рубакин в Петербурге, а Вернадский в Москве. Похоронены оба на Новодевичьем кладбище.

Учёные однозначно ощущали себя русскими. Николай Александрович гордился тем, что он выходец из исконно русской старообряд-

ческой семьи. Владимир Иванович, потомок запорожского казацкого старшины по отцу и русской дворянки по матери, считал себя русским «по культуре и по всему укладу своей жизни», но с поправкой на то, что его жизнь была связана и с Украиной, и с украинским освободительным движением [1. С. 20, 27].

Н. А. Рубакин основывался на своих профессиональных знаниях, поскольку окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и получил золотую медаль за работу «Развитие крови в сердце у зародыша цыплёнка». Как и В. И. Вернадский, он слушал лекции Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, В. В. Докучаева, А. Н. Бекетова, А. С. Фаминцына, С. П. Глазенапа, А. А. Иностранцева, Н. Н. Бекетова, Н. А. Меншуткина, П. А. Костычева, А. И. Воейкова, П. П. Фан-дер-Флита, В. А. Вагнера и других выдающихся профессоров. Его соучениками были ставшие впоследствии видными учёными физик П. Н. Лебедев, ботаник и географ А. Н. Краснов, историк И. М. Гревс. Но ближе всех был В. И. Вернадский. В одном из писем к нему Николай Рубакин вспоминал «о тех днях, когда Вы и я бегали по факультетам Петербургского университета 40 лет тому назад в погоне за знаниями энциклопедическими как основе знаний специальных» [2]. Будучи энциклопедистом, Н. А. Рубакин в своих книгах среди прочего широко популяризировал естественно-научные знания. В свою очередь, в круг научных интересов В. И. Вернадского входили многие естественные дисциплины: минералогия, кристаллография, геохимия, геология, почвоведение, радиogeология, биология, палеонтология, биогеохимия, метеоритика. Кроме того, он глубоко интересовался философией и историей науки.

Ноосферное мироощущение

В процессе изучения психологии Н. А. Рубакин пришёл к выводу, что жизнь человека протекает на трёх уровнях: биологическом, социальном и космическом. В. И. Вернадский, в свою очередь, общепризнан как один из представителей русского космизма – религиозно-философского течения, основанного на холистическом мировоззрении (мировоззрении системной целостности), предполагающем целесообразность эволюции Вселенной. Он пришёл к этому как представитель естествознания: первоначально космическая философия понималась в

естественно-научном плане (К. Э. Циолковский, Н. Ф. Фёдоров, Н. А. Умов, Н. Г. Холодный, А. Л. Чижевский и др.).

В этом же ключе развивал её и В. И. Вернадский. Позднее он пришёл к идее ноосферы – новой, высшей стадии эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы. Вслед за П. Тейяром де Шарденом (1881–1955) он начал использовать термин «ноосфера» (с 1936 г.), понимая её как естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая человека природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом для удовлетворения растущих потребностей человечества. Собственное представление о ноосфере он выразил в статье «Несколько слов о ноосфере» в академическом журнале «Успехи современной биологии» [3]. Проанализировав суть этой концепции, А. В. Соколов заключил, что в ней присутствует «с одной стороны, – признание грандиозных достижений научной мысли, сделавших человечество геологической силой, влияющей на эволюцию природы; с другой стороны, небезосновательные опасения безумного самоуничтожения» [4]. Заключительный раздел своих «Дум о Библиологосе» он посвятил доказательству идеи, что Библиологос – это стратегический ресурс книжной культуры.

Большое влияние как на Вернадского, так и на Рубакина оказали космологические и космографические идеи их общего университетского преподавателя Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907). Смутное в гимназические годы «чувство космоса» под воздействием лекций Менделеева по космологии, занятиями астрономией становится сознательным (и одним из главных) двигателем творческого синтеза у В. И. Вернадского на протяжении всей жизни. Н. А. Рубакин, следивший за становлением Владимира Ивановича в те годы, констатировал, что его естественно-научные и философские работы отличаются космическим размахом, «духом космической реальности», который «и есть величайшая сила, делающая и человеческую речь (печатную, рукописную и устную) непреодолимо доказательной» [2. Л. 7].

Как и Н. А. Рубакин, высшей целью своего существования В. И. Вернадский считал бескорыстное служение человечеству. Разъясняя свою позицию, Н. А. Рубакин утверждал: «Весьма возможно, что найдутся практики, которым некоторые из наших взглядов покажутся

общеизвестными, а другим – наивными. Наивность взгляда не делает его ложным. <...> Именно наивность Христа, Толстого, Будды и многих других и действуют на их поклонников наиболее сильно, ведь она, в сущности, неопровержима. Мы будем рады, если и некоторые из наших идей попадут, против нашего чаяния, в такую хорошую компанию, на что мы сами рассчитывать не можем» [5].

Размышляя о жизни и смерти, В. И. Вернадский записал в своём дневнике 15 июня 1884 г.: «Конечным явлением жизни каждого лица, и меня в том числе, будет смерть. После неё я перестану существовать и не будет ничего; не знаю, страшно ли подобное ощущение, оно больше страшно и смерть кажется страшной только тогда, когда приравливаешь бездеятельность и прекращение [жизни] к ныне существующей живой личности; для неё смерть кажется чем-то страшным, но так как после смерти её не будет, то и страх смерти для неё существовать не должен. Мне страшны мучения, которым я могу подвергнуться при разрушении, но только потому, что я их могу чувствовать и могу понимать; разрушение – смерть – страшной быть не может для меня, так как тогда ни чувствовать, ни понимать я не буду в состоянии. Не признавая [ни] души, ни загробной жизни, я не вижу, чтобы тут происходило какое-нибудь лишение. Согласен, что, может быть, есть известные улады, доставляемые верой, и человек, искренне верующий и имеющий надежду на загробную жизнь, имеет некоторые удовольствия, каких я иметь не могу. Но, с другой стороны, и у меня могут быть такие [удовольствия], каких у него не может быть, да и, наконец, такая вера, может быть, приятна, когда нет ни малейших сомнений; она так же приятна, такой же обман чувств, как обманывают себя разные помешанные, якобы владеющие теми или другими благами» [6].

И, как вывод: «Итак, всё заключается в этой жизни, а не в одной или сотне других, якобы следующих за нею. И в этой [жизни] надо стараться достигнуть наивозможного счастья. Оно может быть различно, но необходимо выбрать лучшее, по своим стремлениям. Я, например, нахожу, что наибольшей возможностью ставить жизнь по-своему или, вернее сказать, быть в ней самостоятельным (во вне зависимости от других) – я буду обладать, когда буду возможно могущественнее умом, знаниями, талантами, когда мой ум будет наивозможно разнообразно занят, когда я буду иметь наивозможно больше власти и значения сре-

ди окружающих меня людей. Итак, необходимо приобрести знания, развить ум, добиться власти. Затем есть две цели – 1) развитие науки, т. е. наслаждение, которое мы испытываем при познании более того, что знают до нас и 2) развитие человечества – т. е. наслаждение борьбой из-за проведения в жизнь идеалов, противовес тому неприятному чувству, которое испытывается всяким мыслящим лицом при размышлении о цене получаемых им благах мира сего» [6].

О влиянии Д. И. Менделеева на формирование менталитета и космического мировосприятия двух наших выдающихся соотечественников чрезвычайно красноречиво свидетельствует письмо Н. А. Рубакина В. И. Вернадскому от 3 апреля 1936 г. Поскольку оно предаётся общественному вниманию впервые, приведу его почти полностью, то есть за вычетом деталей, несущественных для понимания сути взаимоотношений этих деятелей. Вот что пишет 74-летний Николай Александрович 73-летнему Владимиру Ивановичу:

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович,

<...> вместо обычной, естественной и искренней благодарности за него [полученное письмо] <...> предпочитаю я сегодня попросту написать, как это Ваше письмо на меня подействовало: оно вызвало во мне и объединило два светлых образа моего общего с Вами студенческого прошлого – образ нашего общего учителя Д. И. Менделеева и Ваш.

<...> припомните две наши с Вами студенческие встречи: мой тогдашний визит к Вам, а Ваш – ко мне. Вы мне тогда показывали ваши мелко написанные тетрадки, наполненные уже тогда Вами собираемыми материалами для тех работ, какие позднее и создали Вашу научную международную славу. Пользуюсь сегодня случаем, чтоб хоть несколькими словами засвидетельствовать, сколько (если можно так выразиться) научного удовольствия и восторга вынес я из захватывающего чтения Ваших «Очерков геохимии» [1927, 1934] <...> и как радостно было мне читать в особенности те Ваши строки <...> о лекциях Д. И. Менделеева в Санкт-Петербургском университете 1881–1882 гг. Под вашими строками <...> подписываюсь слезами, ведь и я пережил то же самое, что и Вы, и в той же аудитории. И в меня тоже влил Д.<митрий> И<ванович> тот же синтетический и космический захват на с т о я щ е г о научного знания. И его-то я и чувствую на каждой

странице ваших «Очерков», да и всех других ваших трудов, которые то и дело заглаживаю (главным образом в интересах библиологической психологии – науки, тоже, как и геохимия, синтетической). Да и мы с Вами оба синтетики, с тою только разницей, что мне пришлось на своём веку не стать таким представителем точного знания, как Вы; разбег-то у меня был большой, да скачок-то ввысь вышел маленький: пришлось ещё в 1882 г. вдариться по уши в борьбу с разными социальными несправедливостями, из которых и выросла Библиологическая психология как теория и практика распространения знаний, идей и умений с наименьшею затратой сил и времени. Менделеев и ваши тетрадки разожгли какое-то особое, прямо-таки религиозное отношение к науке в высшем значении этого слова: из тетрадок я воочию увидел, как надо работать. И тогда же завёл тетрадки и для себя самого, сохранившиеся здесь у нас до сего дня, и тоже с записями мелким почерком, выписками, своими соображениями и т. п. И это отношение к вашему труду стало ещё ярче, когда мне удалось получить от вашей академии Вашу превосходную книжку по истории знаний, а затем – о биосфере. Затем удалось прочесть и Вашу статью в сборнике издательства «Творческая мысль». Вот уже много лет, как мы внедряем ваши работы этого космического размаха нашим читателям (а их немало).

Второй момент нашего знакомства – Ваш визит на Б<ольшую> Подъяческую, где я тогда жил. Тогда я, со свойственным мне невежеством в минералогии, сортовал мою коллекцию минералов (подарена ныне Подвижному музею). Мой разговор о них с Вами меня изрядно смутил: учуял, что дух Д<митрия> И<вановича> <Менделеева> проник в моё Я ещё плоховато. А вся Вами созданная геохимия насквозь им пропитана. Мне удалось всё же внедрить в Библиопсихологию, что дух космической реальности и есть величайшая сила, делающая и человеческую речь (печатную, рукописную и устную) непреодолимо доказательной <...> [7].

Вернадский в ответ сообщал, что благодаря этому письму был очень рад «вернуться мыслью и сердцем в давние времена нашей молодости». Относительно современности писал так: «Мы с Вами не виделись целую вечность и сейчас заканчиваем жизнь, проведя её по разным путям, но в общем на одном шляху» [8].

Из писем отчётливо видно, что Н. А. Рубакин и В. И. Вернадский по большому счёту полные единомышленники; что их взгляды вырастают из одного корня – идей Д. И. Менделеева. Видна и общность интересов во времена студенческой молодости; проявлена скромность Рубакина по отношению к своему увлечению минералогией. Рубакин выражает благодарность Вернадскому за идею вести дневник, по горячим следам записывать в него свои мысли. Действительно, за всю жизнь в архиве Рубакина скопилось несколько толстых тетрадей с такого рода записями. Главные из них имеют характерные заглавия типа: «Мои отношения к революции», «От колыбели до седых волос». «Исповедь библиотечной крысы», «Моя жизнь и личность в потоке русской истории», «Как я понимаю результаты своей жизни». Жаль только, что глаза и руки исследователей до них всё ещё не добрались, и они лежат в архиве втуне.

Получив книгу Н. А. Рубакина «Психология читателя и книги» (1929), Вернадский, несмотря на то что «так завален» работой, всё же на днях прочёл «очень интересную книгу В. Каренина «Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности» Т. 1–2. Л., 1927» [9]. Рекомендую её Н. А. Рубакину, он, во-первых, был уверен в сходстве их читательских интересов, а, во-вторых, лишний раз проявил свои не только естественно-научные, но и гуманитарные интересы.

Гуманитарная тенденция в мировоззрении В. И. Вернадского проявилась так же рано, как и естественно-научная. Глубоко гуманистические социально-этические идеалы, придавшие ему нравственную цельность и чистоту, были выработаны уже в ранние годы его становления как учёного и мыслителя. Науку и научное творчество он воспринимал в контексте общей борьбы за счастье, за лучшее, светлое будущее человечества. В этом состояли его нравственные и социальные идеалы, и вся сознательная жизнь учёного – яркий пример бескорыстного служения им.

Самое же главное, что роднит Вернадского и Рубакина, – это их представление о смысле жизни, о понимании счастья. В дневниковой записи Вернадского от 12 мая 1884 г. читаем: «Задача человека заключается в доставлении наивозможно большей пользы окружающим. <...> Наряду с этим нельзя забывать, что жизнь человека кончается с тем, что называют иногда “временной, земной”, и что здесь, в этой жиз-

ни, он должен достигнуть возможно большего счастья. Таковое состоит как в умственном и художественном кругозоре, так и в материальной обеспеченности; умственный кругозор – наука; художественный – изящные искусства, поэзия, музыка, живопись, скульптура и даже религия – мир человеческой фантазии, мир идеалов и самых приятных снов; материальная обеспеченность необходима в меньшей степени, так как её удовольствия, по грубости, отходят на второй план, но необходимость их слишком чувствительна и без неё обойтись нельзя и незачем. Всего этого достигает человек – только благодаря крови, страданию поколений до нас и сотен тысяч людей в наше время. Как для того, чтобы это не отравляло радостей, так и для того, чтобы достигнуть наивысшего удовольствия, так и для того, чтобы другие, плоть от плоти и кровь от крови нашей, могли достигнуть удовольствия после нас – необходимо работать над поднятием и улучшением, над развитием человечества. Есть ещё одна сторона: вдумываясь в происходящее, вырабатывая в себе мировоззрение, познавая то, что существует – истину, человек невольно оценивает всё и из этой оценки путём фантазии соображает что нужно, чтобы было. Такой *идеал* человечества у всех различен, но все должны стремиться к его осуществлению, должны стремиться и стремятся прямо в силу необходимости, по природе.

Ставя целью развитие человечества, мы видим, что оно достигается разными средствами и одно из них – наука. Наука доставляет сама такое обширное удовольствие, она приносит такую большую пользу, что можно бы было, казалось, остаться деятелем одной чистой науки. Это было бы приятнее. Но так оно было бы, если бы можно было заставить себя не вдумываться за пределы узкого круга специальности; когда теряется мировоззрение, с ним [теряется] высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой, и остаются отдельные микроскопические радости; чувство долга и стремление к идеалу завладевают человеком, смотрящим на науку обширным взглядом, а не взглядом специалиста, не видящего ничего за пределами своей специальности и мнящего себя учёным. Они показывают, что нет данных, заставляющих считать неизбежным всё лучшее и более полное развитие человечества, нет причин полагать, чтобы люди улучшались и могли всегда обладать даже той долей удовольствия, доставляемого наукой, искусством, благосостоянием. Видишь, что это может быть, а может и не

быть; понимаешь, что условия, позволяющие научную деятельность, могут быть уничтожены и что всё, что делается в государстве и обществе, так или иначе на тебя ложится. И приходишь к необходимости быть деятелем в этом государстве или обществе, стараться, чтобы оно шло к твоему идеалу, чтобы как ты, так и другие после тебя, достигали наивозможного счастья» [10. С. 99–100].

Составление библиографических указателей

В. И. Вернадский непосредственно причастен к рекомендательной библиографии и в этом отношении тоже вправе рассматриваться как коллега Н. А. Рубакина, который занимался ею в то же самое время. Разница заключалась в том, что Вернадский составлял библиографические списки в Москве, а Рубакин – в Петербурге.

В апреле 1893 г. в Москве при Учебном отделе общества распространения технических знаний открылись заседания Комиссии по организации домашнего чтения. В. И. Вернадский был одним из её учредителей. Другими учредителями и первыми её активными членами были видные московские профессора и педагоги: антрополог, географ, этнограф, археолог, музейевед Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), педагог и общественный деятель Цезарь Павлович Балталон (1855–1913), историк-медиевист и правовед Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925), историк Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954), физикохимик Иван Алексеевич Каблуков (1857–1942), историк, публицист, политический деятель Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933), математик Болеслав Корнелиевич Млодзиевский (1858–1923), историк-марксист, общественный и политический деятель Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), учёный-экономист, статистик, общественный деятель Александр Иванович Чупров, врач-гигиенист Фёдор Фёдорович Эрисман (1842–1915), экономист и статистик, педагог, деятель народного образования Иван Иванович Янжул (1846–1914) и др. [11].

Комиссия ставила своей задачей руководить домашним чтением лиц, не имеющих возможности получить высшее образование в университетах, составлять и издавать списки книг (программы чтения), устраивать с этой целью чтения и лекции в столичных и провинциальных городах. В 1894 г. вышли Московские программы домашнего чте-

ния. Они предполагали самостоятельное изучение избранной отрасли знания в объёме высшей школы.

Руководство самообразованием осуществлялось по шести основным отраслям научных знаний: физико-химические науки, биологические, философские, общественно-юридические и литература. В части естественных наук в написание московских программ наряду с Д. Н. Анучиным и И. А. Каблуковым большой вклад внёс В. И. Вернадский.

Программы представляют собой пространные указатели, сопровождаемые проверочными вопросами для повторения и уяснения прочитанного, резюмирующими вопросами, темами для самостоятельных письменных работ и списками рекомендуемой литературы, стимулирующими самостоятельность учащихся.

Несколько позже, в ноябре 1894 г., при Петербургском педагогическом музее военно-учебных заведений с аналогичной целью был создан Отдел для содействия самообразованию. В 1986 г. А. Я. Айзенберг отметил, что Н. А. Рубакин был активным основателем этого отдела, издававшего программы чтения для самообразования [12. С. 69]. Обе общественные организации в конце XIX в. являлись крупнейшими по организации самообразования в России. Деятельность той и другой в общем плане, без сопоставительного анализа, попала в поле зрения А. Я. Айзенберга только в 1995 г. [13]. Он отметил, что она представляет существенный интерес как один из первых опытов широкого распространения самообразования с помощью специальных программ и руководств, учитывающих различный уровень образования желающих самостоятельно овладеть знаниями.

Петербургские «Программы чтения для самообразования» впервые были опубликованы в журнале «Историческое обозрение» [1895. Т. 8], в том же году вышли отдельным изданием. Они предназначались для заочного получения общего энциклопедического образования и выработки «определённого мирозерцания». Эпитет «определённый» – как раз самый неопределённый, под ним можно понимать какое угодно мирозерцание, хотя по умолчанию понимается «желаемое составителям программ».

Первоначально в разработке программ участвовали 17 петербургских учёных. Возглавлял их историк, социолог и педагог Николай Ива-

нович Кареев (1850–1931). Вокруг Отдела группировались видные петербургские учёные: физиолог Иван Петрович Павлов (1849–1936), педагог и психолог Пётр Фёдорович Каптерев (1849–1922), экономист и статистик Николай Александрович Карышев (1855–1905), литературный критик, историк литературы, библиограф и редактор Семён Афанасьевич Венгеров (1855–1920), историк Василий Иванович Семеновский (1848–1916) и др. Видное место среди них, особенно своей перепиской с читателями, занимал Н. А. Рубакин. В основном он составлял программы по астрономии, геологии, физической географии, ботанике и зоологии, то есть тематически его интересы во многом пересекались с интересами В. И. Вернадского. В рекомендуемой литературе по биологическим наукам преобладало дарвинское направление.

Впоследствии коллектив составителей увеличился до сорока. За период 1895–1911 гг. петербургские программы выдержали шесть изданий и разошлись тиражом более 100 тыс. экз. Работа над седьмым изданием прервалась в годы Первой мировой войны.

Петербургские программы, как и московские, тоже были рассчитаны в основном на лиц, имеющих среднее или высшее образование, но желающих ознакомиться с новыми науками или пополнить свои знания. В них помещены энциклопедическая программа и ряд программ специальных. И те и другие программы включали в себя списки тщательно подобранных рекомендуемых для прочтения лучших научных книг. Авторы энциклопедических программ (так называемых «Петербургских») рекомендовали начинать в каждой отдельной науке с наиболее общего, от которого могут получить весь свой смысл частности. Общий их недостаток состоял в слабой методической обеспеченности. В них указаны книги для чтения и изучения, но не указано на что при чтении обратить особое внимание. Как отделить устаревшие или субъективные воззрения рекомендованных писателей от того, что можно считать общепринятым и прочно установленным? Какое значение имеет каждый из писателей в зависимости от их точек зрения, которые, быть может, прямо не высказаны или неуловимы для малоподготовленного читателя? Как быть в случаях непримиримых противоречий между отдельными авторами? Как решить, кто более прав, и почему? И т. п. Эти недостатки заметили современники [14].

Положительная – за вычетом понятных претензий идеологического характера – оценка обеих программ дана Н. В. Здобновым [15. С. 500–505] и А. Я. Айзенбергом [13].

Тщательный отбор литературы по критерию научности в тех и других программах чтения впоследствии облегчил Н. А. Рубакину составление указателя «Среди книг». Программы способствовали повышению качества самообразования в России, но в малой мере: малоподготовленному читателю они были почти недоступны. Первым это понял Н. А. Рубакин. Согласно его исследованию, в 1880–1890-х гг. доступная для уровня подготовки малограмотного населения страны научно-популярная литература почти полностью отсутствовала. Н. А. Рубакин, как известно, вышел из положения тем, что начал писать и издавать такую литературу сам, причём его книги пользовались невероятной популярностью, не ослабевавшей в течение десятков лет. Со временем он приобрёл международную известность, его книги расходились миллионными тиражами на 28 языках мира.

Кроме того, в рекомендательные списки литературы включались книги, по научной классификации Н. А. Рубакина, всего лишь *хорошие*, то есть отвечавшие только научному критерию – объективности и достоверности. Он же считал Книгу могущественнейшим средством борьбы не только за истину, но и за справедливость как обязательный этический критерий. Однако и этого, с его точки зрения, было недостаточно: автор каждой книги должен учитывать уровень образования читателя, его социальное положение, а также – и этому Н. А. Рубакин уделял принципиальное значение – библиопсихологические характеристики персонально каждого желающего приобщиться к книжному знанию. Поэтому он отошёл от традиционного подхода к отбору книг для рекомендательных указателей исходя только из их качества, а принимал во внимание все социокультурные, демографические и психологические характеристики потенциального читателя. «...составлять превосходные списки даже самых лучших книг, даже обставляя их кое-какими разъяснениями – писал он, – этого ещё недостаточно, чтобы приблизить к читателю те знания, то понимание и даже то настроение, которое ему действительно могут дать такие-то превосходные книги. ...Необходимо индивидуализировать рекомендацию книг, необходимо указывать читателям именно такую книгу, которая наиболее соответ-

ствует ему по характеру изложения» [16]. Именно на этом он и сосредоточил своё основное внимание, разработав новое научное направление «библиопсихологию» и рассматривая библиографические указатели как практическое воплощение библиопсихологической теории. Комплекс этих критериев он положил в основу библиографического указателя «Среди книг», чем обеспечил указателю непреходящее значение, а себе заслужил бессмертную славу.

Создание библиотек

В. И. Вернадский был озабочен тем же, чем и Н. А. Рубакин: реформированием народных библиотек таким образом, чтобы они могли воспитывать читателей, способных бороться за свои права. Оба создавали библиотеки лично. В 1884 г. В. И. Вернадский, будучи старшекурсником, вошёл в кружок единомышленников – студентов и выпускников, названный затем «братство».

Кружковцы намеревались коренным образом реформировать народные библиотеки. В. И. Вернадский составил первый эскиз будущих преобразований: «1. Необходимо, чтобы были книги по всем вопросам, волнующим народ: книги о землевладении, описание мест и путей в России (для переселенцев), объяснение народных прав, изложение разных вероучений, [о] народной школе, царе.

2. Книги о природе – в популярном народном виде должны быть изложены все возможные научные сведения: о небе и земле, звёздах, солнце, погоде, почве, растениях, животных, людях. Народные медицина и гигиена.

3. Рассказы из истории страны.

Чем глубже в массу будут распространяться сведения, приобретённые наукой, тем лучше. Общей идеей нашей должно быть то, что народ должен понимать свои силы и права, должно быть то, чтобы приводить народ к сознанию, что надо ему самому управлять собой. Стараться доставить народу ряд практически необходимых и важных сведений, пытаться направить его мысль и убедить его в его силах.

а. Государство и правительство существуют для народа, а не народ для государства и правительства.

б. Только тогда, когда большинство массы поймёт и своё положение, и свои силы, только тогда возможно более разумное ниспровер-

жение нынешнего паразитного правительства. Для этого необходимо распространение знания, а для этого – народная литература.

Что же нам распространять для народа и будем ли мы все одинакового мнения в этих вопросах? Стоит ли тратить свои силы на распространение и усиление тебе враждебного религиозного настроения, мистических взглядов и идей? Пусть без нас распространяют их другие, пусть не пускает глубоких корней фанатизм, и теперь завладевший массой.

До сих пор народ не тронут научными знаниями. Старые идеи и старое мировоззрение, много веков тому назад отброшенное наукой, владеет им. Едва-едва, с большим трудом входят в массу научные знания; причина – отчасти исторически сложившиеся обстоятельства, сделавшие из масс одно орудие привольной жизни стоящих у кормила правления, отчасти малая работа в этом направлении лиц, сознающих подобное печальное и опасное положение вещей. Что же должно поставить нашей идеей, нас всех связующей? Стараться распространить в народе научное мировоззрение; дать ему верное представление о том, в каком положении он находится в государстве и чем он должен быть; доставить ему сведения, необходимые как в обыденных делах, так и в жизни» [6. С. 102, 103]. В силу утопичности этой программе сбыться не пришлось, но в данном случае важен сам факт интереса В. И. Вернадского к проблеме реорганизации библиотечной деятельности. Н. А. Рубакин тоже был озабочен аналогичным вопросом, но оказался более результативен: библиотеку со сотысячным (!) фондом, соответствующую его идеалам, он реально создал десятилетием раньше и продолжительное время (с 1875 по 1907 г.) ею руководил. Перед вынужденным отъездом в Швейцарию при её передаче Петербургскому комитету грамотности выступил с пространством докладом «Основные задачи библиотечного дела» – неизмеримо более продуманным по сравнению с предварительными соображениями В. И. Вернадского. Пребывая в Швейцарии, Рубакин создал и вёл ещё одну такую же, соответствующую его теоретическим представлениям, библиотеку.

Но и В. И. Вернадский оставил реальный след своей библиотечно-организационной деятельности. Вынужденный после упразднения Временного правительства, где он занимал пост сначала товарища министра народного образования, а затем исполнял обязанности мини-

стра, во избежание ареста уехать в ноябре 1917 г. к родственникам жены на Украину, он вскоре был привлечён к созданию самостоятельных органов науки и образования. В. И. Вернадский возглавил Комиссию для выработки законопроекта об основании Украинской академии наук, Временный комитет по основанию библиотеки при создаваемой Академии наук и Комиссию по высшим учебным заведениям и научным учреждениям. Со всеми поручениями он блестяще справился, был избран Президентом (головой) Украинской академии наук. Национальная библиотека Украинской державы считает датой своего образования 2 августа 1918 г. Вскоре, в феврале 1919 г., власть перешла к Совету народных комиссаров, и она поддержала создание Академии наук и библиотеки при ней, все библиотечные вопросы решала оперативно. Центральная научная библиотека Академии наук УССР с 1988 по 1996 г. заслуженно носила имя Вернадского, затем и вплоть до настоящего времени она известна как Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского [17]. В течение этого и последующего времени Владимир Иванович продолжал активнейшим образом заниматься научными изысканиями по своему основному профилю.

В отличие от него Н. А. Рубакин сразу по окончании университета полностью переключился на просветительскую работу, видя в ней основное средство, способное привести к социальным преобразованиям. Он стал, как известно, основоположником и классиком нового научного направления – библиопсихологии.

При этом контакты учёных сохранялись, став преимущественно эпистолярными. Их переписка продолжалась с 1900 по 1936 г. В основном она вращалась вокруг библиотечной тематики. В советский период нашей истории их письма опубликованы (частично и с купюрами) [18], но их анализ ещё ожидает своего исследователя. Во всяком случае, по ним прослеживается довольно продолжительная и тесная, в особенности духовная, связь двух этих уникальных русских учёных и общественных деятелей. Остановимся на главном.

По просьбе Николая Рубакина Вернадский регулярно посылал ему в Швейцарию свои книги и статьи, серию изданий Комиссии по истории знаний, где был председателем, журнал «Природа», с которым тесно сотрудничал, и Николай Александрович неизменно и в самых горячих выражениях благодарил его за это. В частности, он сообщал, что

до 1914 г. и сам был сотрудником этого издания, что на Западе до того, как его начал популяризировать Н. А. Рубакин, журнал был неизвестен «даже в учёных кругах, а теперь циркулирует уже довольно успешно» [19]. Рубакину «очень нравится самый тип и психология этого журнала» [Там же], он корреспондировал о нём в США. В ответ Рубакин посылал, по просьбе Вернадского, материалы Института библиопсихологии.

Разумеется, Вернадский писал и о том, что его в тот момент больше всего интересовало: работа биогеохимической лаборатории, наблюдения за радиоактивностью, открытие того, что «жизнь существовала 3 миллиарда лет назад» [20]. Письма сопровождалась посылками с книгами.

Получаемые издания нужны были Рубакину и для пополнения библиотечного фонда, которым бесплатно обслуживался любой желающий, в какой бы стране он ни жил, и для составления ежегодных библиографических списков наиболее значительных книг на русском языке. Эти списки с 1922 г. предоставлялись Международному институту интеллектуальной кооперации. В список 1926 г. было включено описание капитальной монографии В. И. Вернадского «Биосфера», а в список 1927 г. – его же «Геохимия». Как сообщал Н. А. Рубакин автору, его труды представляют для западных учёных «общий интерес». Библиографическое пособие распространялось по 55 государствам и, как писал Н. А. Рубакин, «несмотря на многие несовершенства, там допускаемые его издателем, действительно помогает научному и вообще идейному общению культурных народов» [21].

Быть отражённым в этом списке было престижно, но весьма не просто, поскольку его предельный объём ограничивался всего сорока наименованиями книг по всем отраслям знания. Кроме того, требовалось вводить «только книги 1) оригинальные, не переводные; 2) выходящие не иначе как первым изданием; 3) не справочные и не специальные; 4) интересные для международного читателя». Помимо работ Вернадского в список вошли описания важнейших трудов Л. С. Берга, А. Е. Ферсмана, В. А. Обручева, Н. Я. Марра и других выдающихся советских учёных. Вся эта работа выполнялась, как и всё, чем занимался Николай Александрович, на чисто альтруистических началах.

По совету В. И. Вернадского Рубакин возобновил переписку со своим университетским однокашником и коллегой по совместной дея-

тельности в дореволюционный период Сергеем Фёдоровичем Ольденбургом (1863–1934), который в 1904–1929 гг. был непременным секретарём Академии наук. Через него в библиотеку Н. А. Рубакина стали поступать издания АН СССР.

Н. А. Рубакин пытался наладить переписку и с проживавшим в США сыном В. И. Вернадского Георгием Владимировичем (1887–1973), известным лидером движения евразийцев, исследователем русской истории. Рубакин намеревался через него заинтересовать деятельностью Международного института библиопсихологии кого-нибудь из американцев. В письме от 10 июля 1928 г. Рубакин информировал адресата о том, что развернул в Швейцарии литературную, научную и просветительную деятельность, «стоя в стороне от всех партий и преследуя исключительно культурные и научные цели». Он питает горячую надежду превратить швейцарскую библиотеку «в зарубежную сокровищницу русской культуры и литературы, независимую от партийных течений, но открытую для всех них, как и для непартийных». Рубакин хотел бы создать в Америке некий филиал своего института при каком-либо научно-просветительном учреждении, а также другой филиал – евразийский.

Чтобы Г. В. Вернадский был уверен в Рубакине как надёжном партнёре, он сообщал: «Мне теперь 66 лет, хотя я могу работать без отдыха целые годы по 10–14 часов в сутки и ходить по 12 километров» [22]. В ответном письме от 30 июля 1928 г. Г. В. Вернадский обращался к Николаю Александровичу как к «многоуважаемому старшему коллеге». Он сообщал, что давно знаком и с деятельностью Рубакина, и с его мыслями об устройстве Института библиопсихологии на более прочных основаниях. Но у него очень мало друзей-американцев, «а те, какие есть, вряд ли могли бы или захотели бы что-нибудь сделать для предположенного Вами института». Сам он не рискует «взяться за огромное дело по организации помощи» в связи с тем, что «поглощён работой – составлением и чтением курса в новом для меня освещении для нового слушателя на языке, которым я всё ещё плохо владею». Письмо Н. А. Рубакина он, тем не менее, переслал в Прагу П. Н. Савицкому [23] в надежде, что тот поможет «в евразийской части» [24].

Отметим, что в начале августа 1932 г. Г. В. Вернадский посетил Николая Александровича Рубакина и, в частности, передал в его биб-

лиотеку свои работы о В. И. Ленине и русской революции. Н. А. Рубакин считал, что они «превосходно резюмируют вопрос, дают стройную систему фактов, очень хорошо приспособлены для иностранцев-читателей. Ваши обе книги – весьма ценный вклад в нашу библиотеку, и они на полках не залежатся». Как всегда, он предлагал широко пользоваться фондом его библиотеки. Заодно просил «выхлопотать для нашего Института все евразийские издания, мы пересылку их примем на свой счёт с великой благодарностью. Стыдно не иметь их в нашей библиотеке, но мы более чем стеснены в средствах» [25].

Рубакин и Вернадский – заядлые книгочелы

Николай Александрович пристрастился к чтению в раннем детстве, пользуясь библиотекой своей матери Лидии Терентьевны. Владимир Иванович приохотился читать приблизительно в то же время, пользуясь книжным магазином отца Ивана Васильевича, где имел право пользоваться любой книгой – как разрезанной, так и неразрезанной. То, что Н. А. Рубакин был заядлым книгочелом, давно стало хрестоматийным фактом. Считается, что за свою жизнь он прочёл 230 тыс. книг по всем отраслям знания. Сомневаясь в этой цифре, означающей, что в течение дня он прочитывал 8–10 книг различного объёма, всё же признаю, что хотя бы для составления своего знаменитого указателя «Среди книг» ему пришлось отобрать *de visu* 20 тыс. книг, отсеяв гораздо больший массив. О глубоком знании содержания многих сотен художественных, философских, исторических, психологических, естественно-научных, математических, теологических и иных книг свидетельствуют многочисленные ссылки в его трудах. Одним словом, по объёму и разнообразию чтения Рубакину равных нет.

Аналогично любовь к чтению не только профессиональной, но и художественной, и прочей литературы с малых лет была свойственна и Вернадскому. «Я рано набросился на книги, – признавался он, – и читал с жадностью всё, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца, довольно большой» [26. С. 30]. Читать он предпочитал в подлиннике и для этого изучал языки. Будучи, как и Рубакин, атеистом, он, тем не менее, основательно ознакомился со святоотеческой литературой и вынес из неё для себя многие важные выводы. Отвечая на вопрос «Любите ли вы художественную литературу»

ру?», сообщал: «Художественную литературу люблю и за ней внимательно слежу. Очень люблю искусство, живопись, скульптуру» [27. С. 62]. Он придавал большое значение созданию библиотеки личного библиотечного фонда как важного подспорья в научной работе: «...покупать книги по известному предмету – не роскошь и не лишняя трата денег: в известную спец<иальную> библиотеку вкладывается всегда знание, мысль. И если она даже не будет в это время никем читаться, кроме владельца, книги эти сделают своё дело, и через несколько лет такая старательно составленная библиотека является своего рода произведением, общепользуемой работой. И если она не разрознится, этот труд всегда будет полезен. Самое главное, чтобы она хранилась и росла в аккуратном порядке» [Там же. С. 197, 198]. Это соображение полностью согласуется с теорией библиотечного фонда как системы. Помимо книг по специальности (более семи тысяч названий, не считая подаренных различным библиотекам) он собрал, по собственной оценке, «очень хорошую справочную библиотеку» на нескольких европейских языках. В зарубежных поездках львиную долю времени Владимир Иванович проводил в библиотеках. Более подробно книжная составляющая биографии В. И. Вернадского освещена В. И. Спириной [28]. Пользуясь академическими библиотеками, В. И. Вернадский требовал, чтобы нужные книги заказывали в различных библиотеках системы Академии наук СССР, других московских и ленинградских библиотеках, выписывали по международному библиотечному обмену из Берлина, Лондона, Парижа и Вашингтона.

Говорить о том, что Рубакин всю свою жизнь посвятил книжному делу, означало бы «ломиться в открытую дверь». Но отметить, что и Вернадский также причастен к книжному делу, думается, уместно. В 1902–1903 гг. В. И. Вернадский прочитал в Московском университете курс лекций по истории современного научного мировоззрения. Несколько лекций имеют непосредственное отношение к библиокультуре в широком понимании этого термина. В четвёртой лекции «Прогресс науки. Значение книгопечатания» он первым поставил вопрос о том, «как долго, как давно наблюдается рост нашего современного научного мировоззрения, когда оно сложилось и началось?» [30. С. 80]. Эту границу он определил открытием и распространением книгопечатания. До изобретения печатного станка «у личности в её борьбе

не было никакого средства фиксировать свою мысль во времени, сохранить и передать её потомству. В руках её врагов были все средства её уничтожения. Всё это резко переменялось с открытием к 1450 г. книгопечатания, и мы видим, что с этой эпохи начинается быстрый и неуклонный рост человеческого сознания. Книгопечатание явилось тем могучим орудием, которое сохранило мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз и позволило в конце концов сломить чуждое мировоззрение. Мы можем и должны начинать историю нашего научного мировоззрения с открытия книгопечатания» [30. С. 85]. Для книговедения это вывод всемирно-исторического значения! Он обстоятельно обосновывается в шестой лекции «Распространение книгопечатания. Впечатление, [произведённое] на современников. Значение [этого открытия] для роста и победы научного мировоззрения».

Как отметил Е. С. Лихтенштейн, в своих лекциях Вернадский со свойственным ему проникновением в сущность явлений подчеркнул важнейшие моменты в истории этого великого изобретения [31]. Из современных авторов значение вклада В. И. Вернадского в библиокультуру наиболее адекватно оценили Н. К. Леликова [32. С. 26], В. И. Васильев, М. А. Ермолаева и Д. Н. Бакун [33]. В. И. Вернадский показал исключительную роль книгопечатания для развития науки в целом. Он – один из немногих учёных естественно-научного профиля, которые усматривали органическую связь документологических и научно-технических идей, их научную равнозначность. Например, тоже написавший очерки истории науки, но гораздо позднее, академик А. Д. Александров (1912–1999), историю документа обошёл молчанием [34. С. 295–321].

Вернадский предсказал книгопечатанию вечное существование и дальнейший расцвет. В следующих лекциях он констатировал всемирно-историческое значение другого – индексного – вида документа – компаса, радикально способствовавшего географическим открытиям всемирного значения, приведшим к экономическому, политическому переделу мира. Описал он и изобретение астролябии, секстанта, хронометра, буссоли и прочих приборов для геолокации, или, иными (современными) словами говоря, других документов индексного вида. К столь же серьёзным последствиям привели достижения в области

картографии: географическая карта, атлас – ещё один, символичный, вид документа, сыгравший колоссальную роль в скачкообразном развитии науки.

Различия между Вернадским и Рубакиным

В судьбе и менталитете В. И. Вернадского и Н. А. Рубакина были и весьма ощутимые различия. Хотя оба полностью состоялись как великие граждане своей отчизны, В. И. Вернадский достиг официального признания практически всех своих научных и общественных заслуг. Он был действительным тайным советником (с 1911 г.), академиком (с 1912 г.), первым президентом Украинской академии наук (1918–1921), лауреатом Сталинской премии I степени (1943). Его именем заслуженно названа Национальная библиотека Украины и девять учебных заведений, проспекты и станции метро. Существует именная Золотая медаль Академии наук, Звезда Вернадского I, II и III степеней, присуждаемая Международным межакадемическим союзом с 1998 г., Малая планета Вернадского (1978) и т. д. У Рубакина же не было решительно никаких титулов и званий. Тем не менее по значению для русской и мировой культуры их смело можно поставить на один уровень.

Вывод

Вклад Н. А. Рубакина в библиотечно-библиографическую науку, конечно, неизмеримо выше, но и о достижениях В. И. Вернадского в этой сфере нам тоже полезно знать и воздать ему должное. Вклад этих гигантов в науку в целом равновелик. Каждый из них является признанным классиком в своей области знаний. Кроме того, по общепринятой классификации А. В. Соколова, оба они являются философами-гуманистами, ратующими за диалектическое единство космоса и человеческого разума. Действительный прогресс человечества оба связывали с просвещённым отношением к природе и общественной жизни, на первый план ставили научную истину, оба были беззаветными борцами за социальную справедливость на гуманистических началах. Это особенно ценно в настоящее время, когда, увы, гораздо громче звучат голоса примитивных технократов, наивно полагающих, что все социальные проблемы способны разрешить цифровизация, новые техноло-

гии и искусственный интеллект. Между тем они не более чем средство, облегчающее достижение великой ноосферной цели. «Мы подходим к великому повороту в жизни человечества, с которым не могут равняться все им ранее пережитые, – подчёркивал В. И. Вернадский. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даёт ему возможность строить свою жизнь, как он захочет ...Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить её на добро, а не на самоуничтожение? ...Учёные должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества» [29]. Нам всем предстоит следовать этому завету нашего соотечественника, великого учёного и гуманиста.

Список источников и примечания

1. **Мочалов И. И.** Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). Москва : Наука, 1982. 488 с. (Научно-биографическая серия).
2. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 168. Ед. хр. 28. Л. 1.
3. **Вернадский В. И.** Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. Москва : Наука, 1991. С. 235–244.
4. **Соколов А. В.** Думы о Библиологосе – книжном разуме : библиологическое эссе. Санкт-Петербург, 2023. В печати.
5. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 76. Ед. хр. 3. Л. 45.
6. **Из Дневников** В. И. Вернадского // Природа. 1967. № 10. С. 97–105. Подготовка к печати, вступление и примечания канд. филос. наук И. И. Мочалова.
7. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 168. Ед. хр. 28. Л. 5–7.
8. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 21. Ед. хр. 49. Л. 4.
9. **Речь** идёт о книге: Жебелев С. А. Влад. Каренин. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. I и II. Ленинград : Мысль, 1927. 727 с.
10. **Владимир Васильевич Стасов** (1824–1906) – русский музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель. С 1856 г. и до конца жизни работал в Императорской публичной библиотеке.
11. **Из Дневников** В. И. Вернадского // Природа. 1967. № 10. С. 97–105. Подготовка к печати, вступление и примечания канд. филос. наук И. И. Мочалова.

12. **Комиссия** по организации домашнего чтения // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 763.
13. **Айзенберг А. Я.** Самообразование: история, теория и современные проблемы : учебное пособие для вузов по спец. «Библиоковедение и библиография». Москва : Высшая школа, 1986. 128 с.
14. **Айзенберг А. Я.** Издательская деятельность русской прогрессивной интеллигенции во второй половине XIX в. в помощь распространению знаний и самообразования // Библиоковедение: исследования, история и современность : сборник научных трудов : к 75-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора педагогических наук, профессора К. И. Абрамова / Московский государственный университет культуры, Кафедра библиоковедения. Москва : Московский государственный университет культуры, 1995. С. 27–48.
15. **Ивановский В.** К вопросу о самообразовательном движении // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 43. С. 211.
16. **Здобнов Н. В.** История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. Москва : Госполитиздат, 1956. 607 с.
17. **Рубакин Н. А.** Письма к читателям о самообразовании // Рубакин Н. А. Избранное : в 2 т. Москва : Книга, 1975. Т. 2. С. 8.
18. **В. И. Вернадский.** Жизнь и деятельность на Украине / Сытник К. М., Апанович Е. М., Стойко С. М.; отв. ред. Бабичев Ф. С. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Наукова думка, 1988. 368 с.
19. **Сквозь** долгие годы : письма Н. А. Рубакина к В. И. Вернадскому [от 23 мая, 14 ноября 1928; 3 апреля 1936]; публикация А. Г. Чернова // Природа. 1963. № 4. С. 73–74.
20. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 168. Ед. хр. 28. Л. 2.
21. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 213. Ед. хр. 49. Л. 8 об.
22. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 168. Ед. хр. 28. Л. 1.
23. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 168. Ед. хр. 29. Л. 1–1 об.
24. **Пётр Николаевич Савицкий** (1895–1968) – дипломат, один из создателей и лидер евразийства, основоположник русской геополитики, философ и теоретик географической, экономической, исторической самобытности и самодостаточности России, новатор применения «контент-анализа» в изучении российской истории, создатель метода вычленения зонального деления природных зон на основе сопоставлений климатических и ботанико-географических данных. Культуролог, белезмигрант и общественно-политический деятель, поэт. В описываемый период преподавал в Праге географию и экономику в Русском народном университете, Русском институте сельскохозяйственной кооперации, Русском свободном университете. В 1945 г. после занятия Праги Советской армией был арестован как бывший участник белого движения, несмотря на патриотическую позицию в годы оккупации, осуждён за контрреволюционную деятельность, в 1956 г. освобождён и реабилитирован.

От предложения остаться в Москве отказался и вернулся в Чехословакию. Умер во время событий «Пражской весны».

25. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 213. Ед. хр. 50. Л. 1–1 об.

26. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 213. Ед. хр. 50. Л. 2.

27. **Вернадский В. И.** Письма Н. Е. Вернадской. 1886–1889 // Вернадский В. И. / сост. Н. В. Филиппова; отв. ред. В. В. Лёвшин; Академия наук СССР; Архив АН СССР. Москва : Наука, 1988. 303 с.

28. **В. И. Вернадский:** pro и contra : антология литературы о В. И. Вернадском за 100 лет (1898–1998) / под общ. ред. акад. А. Л. Яншина. Санкт-Петербург : Изд. Русского христианского гуманитарного университета, 2000. 871 с.

29. **Спирова В. И.** Духовный мир В. И. Вернадского: учёный и книги (К 150-летию со дня рождения) // Библиотекосведение. 2013. № 6. С. 68–75.

30. **Вернадский В. И.** Мы подходим к великому повороту в жизни человечества // Библиотекосведение. 2013. № 3. С. 72–73.

31. **Вернадский В. И.** Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. Москва : Наука, 1988. 336 с.

32. **Лихтенштейн Е. С.** Неопубликованные лекции В. И. Вернадского о книгопечатании // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1979. Сб. 39. С. 87–100.

33. **Леликова Н. К.** Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург, 2004. 415 с.

34. **Васильев В. И., Ермолаева М. А., Бакун Д. Н.** Академик В. И. Вернадский и деятели Академии наук в системе книжной культуры // Книга. Исследования и материалы. Москва : Наука, 2013. Сб. 99/III–IV. С. 142–147.

35. **Александров А. Д.** Беседы по истории науки. Очерк первый. Наука от зарождения до современности // Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Публикации. Материалы. Москва : Наука, 2002. С. 295–321.

References and notes

1. **Mochalov I. I.** Vladimir Ivanovich Vernadskii` (1863–1945). Moskva : Nauka, 1982. 488 s. (Nauchno-biograficheskaja seria).

2. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 168. Ed. chr. 28. L. 1.

3. **Vernadskii` V. I.** Neskol`ko slov o noosfere // Vernadskii` V. I. Nauchnaia my`sl` kak planetnoe iavlenie. Moskva : Nauka, 1991. S. 235–244.

4. **Sokolov A. V.** Dumy` o Bibliologose – knizhnom razume : bibliologicheskoe e`sse. Sankt-Peterburg, 2023. V pechati.

5. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 76. Ed. khr. 3. L. 45.
6. **Iz Dnevnikov** V. I. Vernadskogo // Priroda. 1967. № 10. S. 97–105. Podgotovka k pečati, vstuplenie i primechaniia kand. filos. nauk I. I. Mochalova.
7. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 168. Ed. khr. 28. L. 5–7.
8. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 21. Ed. khr. 49. L. 4.
9. **Rech`** idyot o knige: Zhebelev S. A. Vlad. Karenin. Vladimir Stasov. Ocherk ego zhizni i deiatel`nosti. Ch. I i II. Leningrad : My`sl`, 1927. 727 s.
10. **Vladimir Vasil`evich Stasov** (1824–1906) – russkii` muzy`kal`ny`i` i hudozhestvenny`i` kritik, istorik iskusstv, arhivist, obshchestvenny`i` deiatel`. S 1856 g. i do kontca zhizni rabotal v Imperatorskoi` publichnoi` biblioteke.
11. **Iz Dnevnikov** V. I. Vernadskogo // Priroda. 1967. № 10. S. 97–105. Podgotovka k pečati, vstuplenie i primechaniia kand. filos. nauk I. I. Mochalova.
12. **Komissiia** po organizatsii domashnego chteniia // Voprosy` filosofii i psihologii. 1894. Kn. 25. S. 763.
13. **Ai`zenberg A. Ia.** Samoobrazovanie: istoriia, teoriia i sovremenny`e problemy` : uchebnoe posobie dlia vuzov po spetc. «Bibliotekovedenie i bibliografiia». Moskva : Vy`sshaia shkola, 1986. 128 s.
14. **Ai`zenberg A. Ia.** Izdatel`skaia deiatel`nost` russkoi` progressivnoi` intelligentsii vo vtoroi` polovine XIX v. v pomoshch` rasprostraneniuu znanii` i samoobrazovaniia // Bibliotekovedenie: issledovaniia, istoriia i sovremennost` : sbornik nauchny`kh trudov : k 75-letiiu zaslužennogo deiatelia nauki Rossii`skoi` Federatsii doktora pedagogicheskikh nauk, professora K. I. Abramova / Moskovskii` gosudarstvenny`i` universitet kul`tury`, Kafedra bibliotekovedeniia. Moskva : Moskovskii` gosudarstvenny`i` universitet kul`tury`, 1995. S. 27–48.
15. **Jvanovskii` V.** K voprosu o samoobrazovatel`nom dvizhenii // Voprosy` filosofii i psihologii. 1898. Kn. 43. S. 211.
16. **Zdobnov N. V.** Istoriia russkoi` bibliografii do nachala XX veka. 3-e izd. Moskva : Gospolitizdat, 1956. 607 s.
17. **Rubakin N. A.** Pis`ma k chitateliam o samoobrazovanii // Rubakin N. A. Izbrannoe : v 2 t. Moskva : Kniga, 1975. T. 2. S. 8.
18. **V. I. Vernadskii`.** Zhizn` i deiatel`nost` na Ukraine / Sy`tneyk K. M., Apanovich E. M., Stoik`o S. M.; otv. red. Babichev F. S. 2-e izd., ispr. i dop. Kiev: Naukova dumka, 1988. 368 s.
19. **Skvoz`** dolgie gody` : pis`ma N. A. Rubakina k V. I. Vernadskomu [ot 23 maia, 14 noiabria 1928; 3 apreliia 1936]; publikatsiia A. G. Chernova // Priroda. 1963. № 4. S. 73–74.
20. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 168. Ed. khr. 28. L. 2.
21. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 213. Ed. khr. 49. L. 8 ob.
22. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 168. Ed. khr. 28. L. 1.
23. **Otdel** rukopisei` RGB. F. 358. K. 168. Ed. khr. 29. L. 1–1 ob.

24. **Pyotr Nicolaevich Savitskii** (1895–1968) – diplomat, odin iz sozdatelei i lider evrazii'stva, osnovopolozhnik russkoi' geopolitiki, filosof i teoretik geograficheskoi', e'konomicheskoi', istoricheskoi' samoby'tnosti i samodostatocnosti Rossii, novator primeneniia «kontent-analiza» v izuchenii rossii'skoi' istorii, sozdatel' metoda vy'chleneniia zonal'nogo deleniia prirodny'kh zon na osnove sopostavlenii' klimaticheskikh i botaniko-geograficheskikh danny'kh. Kul'turolog, belo'e migrant i obshchestvenno-politicheskii' deiatel', poe't. V opisy'vaemy'i' period prepodaval v Prage geografiu i e'konomiku v Russkom narodnom universitete, Russkom institute sel'skohozia'i'stvennoi' kooperatsii, Russkom svobodnom universitete. V 1945 g. posle zaniatii Pragi Sovetskoii' armiei' by'l arestovan kak by'vshii' uchastneyk belogo dvizheniia, nesmotria na patrioticheskuiu pozitsiiu v gody okkupatsii, osuzhdyon za kontrrevoliucionnuiu deiatel'nost', v 1956 g. osvobozhdyon i reabilitirovan. Ot predlozheniia ostat'sia v Moskve otkazalsia i vernulsia v Chehoslovakiuu. Umer vo vremia soby'tii' «Prazhskoi' vesny».
25. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 213. Ед. хр. 50. Л. 1–1 об.
26. **Отдел** рукописей РГБ. Ф. 358. К. 213. Ед. хр. 50. Л. 2.
27. **Vernadskii V. I.** Pis'ma N. E. Vernadskoi'. 1886–1889 // Vernadskii V. I. / sost. N. V. Philippova; otv. red. V. V. Lyovshin; Akademiia nauk SSSR; Arhiv AN SSSR. Moskva : Nauka, 1988. 303 s.
28. **V. I. Vernadskii**: pro i contra : antologiiia literatury'o V. I. Vernadskom za 100 let (1898–1998) / pod obshch. red. akad. A. L. Ianshina. Sankt-Peterburg : Izd. Russkogo khristianskogo gumanitarnogo universiteta, 2000. 871 s.
29. **Spirova V. I.** Duhovny'i' mir V. I. Vernadskogo: uchyony'i' i knigi (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia) // Bibliotekovedenie. 2013. № 6. S. 68–75.
30. **Vernadskii V. I.** My' podhodim k velikomu povorotu v zhizni chelovechestva // Bibliotekovedenie. 2013. № 3. S. 72–73.
31. **Vernadskii V. I.** Trudy' po vseobshchei' istorii nauki. 2-e izd. Moskva : Nauka, 1988. 336 s.
32. **Leekhtenshtein E. C.** Neopublikovanny'e lektcii V. I. Vernadskogo o knigopечатanii // Kniga. Issledovaniia i materialy'. Moskva, 1979. Sb. 39. S. 87–100.
33. **Lelikova N. K.** Stanovlenie i razvitie knigovedcheskoi' i bibliograficheskoi' nauk v Rossii v XIX – pervoi' treti XX veka / Rossijskaia natsional'naia biblioteka. Sankt-Peterburg, 2004. 415 s.
34. **Vasil'ev V. I., Ermolaeva M. A., Bakun D. N. Akademik V. I. Vernadskii** i deiateli Akademii nauk v sisteme knizhnoi' kul'tury' // Kniga. Issledovaniia i materialy'. Moskva : Nauka, 2013. Sb. 99/III–IV. S. 142–147.
35. **Alexanderov A. D.** Besedy' po istorii nauki. Ocherk pervy'i'. Nauka ot zarozhdeniia do sovremennosti // Akademik Alexander Danilovich Alexanderov. Vospominaniia. Publikatsii. Materialy'. Moskva : Nauka, 2002. S. 295–321.

Информация об авторе / Information about the author

Столяров Юрий Николаевич – доктор пед. наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, Научного и издательского центра «Наука» РАН, ГПНТБ России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
yn100@narod.ru

Yury N. Stolyarov – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Russian State Library; Chief Researcher, Science and Publishing Center “Nauka” of Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russian Federation
yn100@narod.ru